

18+

Анна Пейчева

РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ ПАРИЖСКОГО НЕБА

УЮТНАЯ
ИСТОРИЯ

Анна Пейчева

**Русские звезды парижского неба.
Серия «Уютная история»**

Пейчева А.

Русские звезды парижского неба. Серия «Уютная история» /
А. Пейчева —

Вы, конечно, слышали про разбитые судьбы русских эмигрантов. Князь за рулем такси, генерал на конвейере «Рено», министр с мотыгой в полях. «Вино и мужчины — моя атмосфера», — пели в кабаре смолянки... Но эта книга — о другом. Она о тех, кто не сдался. Художница Лидия Никанорова, артистка Таня Визирова, певица Анна Марли прошли через лишения, но остались верны себе — и прославились в чужой стране. Три русских девушки украсили своим творчеством историю Франции. Не пора ли и нам познакомиться с ними?

Содержание

От автора	6
Лидия Никанорова: Зеленоглазая Ундина в жарком Стамбуле	11
Пролог	12
Дочь офицера	13
Тайный роман	15
Покорение другой столицы	17
В ожидании беды	19
Мир пыльного искусства	21
Холодная любовь	23
Корабль отчаяния	25
Царьград прекрасный и жестокий	27
Ангелы Византии	30
Под теплым дождем Монпарнаса	32
Здесь русский дух	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Русские звезды парижского неба

Серия «Уютная история»

Анна Пейчева

© Анна Пейчева, 2026

ISBN 978-5-0069-7790-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Таня Визирова готовится выйти на сцену варьете «Фоли-Бержер». Париж, 1935 (современная колоризация)¹

¹ На [моем сайте](#) представлены черно-белые оригиналы всех иллюстраций, а также интерактивная карта Парижа со всеми адресами из этой книги. Колоризация фотографий **без искажения изображения** и создание художественных портретов для обложки производились при помощи нейросетей: Colorize.cc (модели V5 и V7), Renderforest.com и Adobe Firefly (модель Nano Banana Pro).

От автора

«Рампа, огни, штрафы, репетиции, репетиции без конца... Устаешь до боли в висках, до головокружения... Крепись, Таня!.. Вперед!»²

Таня Визирова! Ее имя гремело фортиссимо в пульсирующей разноголосице Монмартра. «Самая шикарная» – «самая обольстительная» – Северная Венера на французской сцене.

Как вдохновляет ее биография! Из огня революции – сквозь черные воды бушующего Днестра – под сладкое пение медных труб вечернего Парижа – Таня упрямо стремилась к мечте. Мечте столь же скромной, сколь и труднодостижимой: вырваться из тяжелой эмигрантской нужды. Жить, а не выживать. Избавиться от удушающего страха завтрашнего дня.

История русских беженцев первой волны – это море несчастных, горьких судеб. Взгляните на эту фотографию из исландской газеты Fálkinn («Сокол») 1928 года. Перед нами русская княгиня, чье настоящее имя утонуло в веках. Нерадивый репортер записал ее фамилию как «Kkanolowitsch» – но конечно, никаких Иканоловичей в России никогда не было.

² Таня Визирова. Звезда мюзик-холля. К предстоящему выступлению артистки на балу «Иллюстрированной России». // Иллюстрированная Россия №17 (519). Париж, 20 апреля 1935 г.

Вырезка из газеты Fálkinn от 10 ноября 1928 года: «Это портрет русской княгини Иканолович. После русской революции она осталась без гроша в кармане, все ее имущество было конфисковано. Сейчас она выживает, продавая газеты на улицах Парижа».

У нее совсем не старое лицо – красивое, благородное. Но руки истончены голодом, а пальцы почернели от типографской краски. Княгиня продает газеты на крыльце чужого дома в Париже. На той самой улице, где в юности она заказывала лайковые перчатки из тончайшей

кожи цвета слоновой кости; шелковые туфли-лодочки на рюмке-каблукке, с золотой вышивкой и изящным бантом; узкие корсеты с оборками и лентами, которые без горничной не зашнуровать. А какая у княгини осанка! Как раз для бала в посольстве Российской империи... Но балы канули в прошлое вместе со всей империей. Бывшая светская львица облачена в грубое домо-тканое платье, старую вязаную кофту и войлочные тапки – другой обуви у нее нет. От всей роскоши осталась только не модная уже шляпа, которую попросту не продать – никому эта шляпа не нужна. Как и ее владелица.

Эта пронзительная фотография безымянной княгини – печальный символ «бывших людей». Так большевики называли аристократов, офицеров царской армии, чиновников, купцов, священников, интеллигентов... Всех, кто не вписывался в новую систему. После революции Россию покинули два миллиона «бывших»³ – население целого мегаполиса или даже небольшой страны. Во Франции осели, по самым скромным подсчетам, около 120 тысяч русских беженцев⁴.

Участь большинства белоэмигрантов оглушает своей безысходностью. Дороги назад для них не было. Хотя многие пытались ее найти во тьме парижской ночи.

Пожилая помещица Елизавета Ивановна Храповицкая, оказавшись во Франции без копейки, решила попросить помощи у своих бывших крестьян, которых она когда-то учила музыке. Графиня отправила в родную деревню Муромцево Владимирской губернии письмо поразительного содержания: «Дорогие крестьяне! Обращаюсь к вам с просьбой: соберите, сколько сможете, денег и пришлите мне. Вы владеете теперь бывшей землей моего мужа Владимира Семеновича Храповицкого, который скончался в нищете. Я осталась теперь одна без всяких средств на самую бедную жизнь. Мне уже 68 лет, я больная и старая, работать не могу. Я счастлива, что вы теперь владеете землей... все желание мужа было оставить землю крестьянам. Обращаюсь к доброму вашему сердцу, прошу помочь мне, Бог вас не оставит. Прилагаю конверт с моим адресом... Сообщите, что случилось с нашим имением Муромцево. Напишите мне подробно об этом, я всей душой с вами»⁵.

На первый взгляд – наивно. На самом деле – крайняя степень отчаяния.

Конечно, у Елизаветы Ивановны ничего не вышло. От своих «дорогих крестьян» она получила лишь оскорбительную отповедь: «Очень странным показалось ваше обращение к нам с просьбой о присылке денег. Спрашивается, за что? За то, что вы долгие годы, сидя на нашей шее, выматывая из нас последние силы, вели праздную жизнь паразитов, раскатываясь по заграницам и соря деньгами, добытыми на крови и поте крестьян? За то, что в былые времена нас пороли кнутом и нагайками, за то, что наших жен и детей выгоняли плетью из лесу за сбор ягод и грибов, за то, что в 1905 году на нашу просьбу обменять землю, незаконно от нас отобранную вами, были вытребованы стражники, урядники и по приказанию вашему за наше обращение – пороли плетью и сажали в тюрьмы; за то, что после пожара на нашу просьбу об отпуске леса за плату нас выгоняли? Да всего и не перечислишь, за что вам, госпожа Храповицкая, следует помочь. Мы не можем даже и определить и попросту скажем: Валитесь от нас к...»⁶.

Молодые эмигрантки держались до последнего – шили, кашеварили, мыли полы, – но нужда смеялась над всеми их стараниями. А рядом, в соседнем ресторане, их ждал такой

³ ЭМИГРАЦИЯ / О. В. Будницкий, С. В. Рязанцев // Большая российская энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия, 2004—2017.

⁴ С. В. Решетников. Русские эмигранты и советские граждане во французском движении Сопротивления 1943—1945 гг. – М.: Наука, 2025.

⁵ Музейные тайны. Усадьба Храповицких. // ГТРК «Владимир» по материалам Государственного архива Владимирской области, публикация от 10.01.2012.

⁶ Выписка из протокола общего собрания граждан села Ликино Судогодской волости Владимирского уезда и губернии от 26 мая 1928 г.

легкий, такой сладкий – такой опасный источник дохода. Работа называлась «девушка для выпивки». Всего-навсего нужно было подсесть к клиентам за столик, развлечь их приятной беседой и согласиться на бокал шампанского. Вот и всё. Больше – никаких услуг. Да еще и проценты с каждой проданной бутылки. Ну что здесь плохого?

Ничего. Если не считать потерянной души.

Русские «девушки для выпивки» продавали свои несчастья хищным туристам, «желающим вкусить хотя бы на несколько часов от горя целого народа»:

«Больше, чем от поцелуев, Елена страдала от вопросов, на которые приходилось отвечать и лгать о своем прошлом, своей семье и образовании, о том, как она попала в заведение подобного рода, – писал Жозеф Кессель в романе „Княжеские ночи“, посвященном „безумному“ русскому Парижу 1920-х годов. – В „Самоваре“ продавалось не только шампанское, песни и даже немного ее тела, а также и в особенности ее прежняя жизнь и тот отпечаток, который она на ней оставила, то, что в ней было воспитанного, чистого и девственного, ее благородство и несчастья. Все это маралось в бесконечные ночи полупьяными прохожими, смаковавшими ее самые скрытые, самые драгоценные сокровища»⁷.

Романс горький, как парижский абсент, стал неофициальным гимном русских «вакханок», затянутых в губительный водоворот ночной жизни французской столицы:

*«Не смотрите вы так
сквозь прищуренный глаз,
Джентльмены, бароны и леди.
Я за двадцать минут опьянеть не смогла
От бокала холодного бренди.
Ведь я институтка, я дочь камергера,
Я черная моль, я летучая мышь.
Вино и мужчины – моя атмосфера.
Приют эмигрантов – свободный Париж!»⁸*

Дева в беде! Классический сюжет европейского романа; вот только этим принцессам (а многие из них и правда были настоящими принцессами из большой семьи Романовых) никто не пришел на помощь. Хрупким, прекрасно воспитанным, не приспособленным к реальной жизни барышням пришлось своими руками бороться с драконами нищеты и забвения. Победительниц было немного. Но все же они были. Принцессы без фамильных бриллиантов; принцессы, сами выдержавшие давление в пятьдесят тысяч атмосфер⁹.

Три девы в беде сумели зачаровать драконов – чудными картинами, пленительными танцами, волшебными песнями. Творчество спасло героиню этой книги от страшной судьбы. Любовь дала им силы творить – и оторваться от убогого быта, вознестись над ним, парить в «сверкающей надушенной атмосфере страусовых перьев, Роллс-Ройсов и тысячных билетов»¹⁰. Они были музами знаменитых писателей. Но и сами создавали удивительные произведения искусства – художественного, танцевального, музыкального.

Лидию Никанорову, Таню Визирову и Анну Марли помнят в Париже, Лондоне, Константинополе, Рио-де-Жанейро; но, увы, не в России. Мне бы хотелось восполнить этот пробел.

⁷ Жозеф Кессель. Княжеские ночи (1926). // Серия «Белогвардейский роман». – М.: Вечер, 2007.

⁸ Начало романа «Институтка» (1920-е гг.). Автор – петербургская поэтесса Мария Николаевна Вольницкая, творившая в эмиграции под псевдонимом Мария Вега.

⁹ Бриллианты формируются при давлении более 54 280 атмосфер и температуре более 1400° С. Источник: статья «Самый древний алмаз» на сайте Геммологического центра МГУ (https://www.gem-center.ru/news_577.htm).

¹⁰ Таня Визирова // Иллюстрированная Россия.

Я перевела множество французских и английских источников – романов, монографий, мемуаров, газет и журналов, отыскала редкие фотографии этих удивительных девушек, прочитала все их интервью; они стали моими близкими подругами.

Эта книга не похожа на обычную печальную летопись падения русских беженцев на самое дно парижской жизни. Перед вами хроники взлета трех прекрасных Жар-птиц, прошедших сквозь пламя эмиграции и засиявших на небе Франции яркими звездами.

Каждая из них представляет свою эпоху. Лидия – это бурный Париж двадцатых, кружащийся в вихре цыганских ночей и странного искусства. Таня – пресыщенный Париж тридцатых, требующий дерзких театральных зрелищ. Анна – партизанский Париж сороковых, страстно желающий свободы.

Финал каждой главы сопровождается подборкой иллюстраций, без которых этот рассказ был бы неполным. А в конце книги вы найдете подробную карту города со всеми адресами, о которых мы будем говорить¹¹.

Вас ждут истории согревающие, пусть и с ноткой горечи, но оставляющие приятное послевкусие. Не полынный абсент, а ароматный кофе, сваренный в изящной медной джезве и поданный в крошечной фарфоровой чашке, с непременно рахат-лукумом на узорчатом блюде...

Вы уже слышите шум восточного базара и протяжные призывы муэдзинов? Наша первая героиня подплывает к залитому солнцем Стамбулу, мечтая о дождливом Париже и с болью в сердце вспоминая пылающую Россию.

¹¹ На [моем сайте](#) вас ждут дополнительные фотографии и интерактивная карта Парижа со всеми адресами, указанными в книге.

Лидия Никанорова: Зеленоглазая Ундина в жарком Стамбуле

Лидия Никанорова. Автопортрет. Корсика, 1929

Пролог

Драить палубу уксусом – занятие не из приятных. Руки, и без того обмороженные, пузыряются волдырями; резкий запах кружит голову; поясница горит огнем. Совсем не девичий труд, и капитан призвал наверх только мужчин. Но Лидия вызвалась с ними, чтобы вырваться наконец из неопикуемой духоты тифозного трюма и увидеть – море. Услышать – крики чаек вместо стонов больных, грязных и голодных беженцев. Вычистив свой участок палубы, Лидия выпрямилась и огляделась. Черное море совсем не было черным, волны переливались всеми оттенками морозной бирюзы, отражаясь в пронзительно-зеленых глазах Лидии; но небо клубилось тревожными тучами, серыми, как глаза ее любимого Павла, застрявшего в объятий хаосом революционной России.

Дочь офицера

Лидия знала мать только по старым фотографиям. С пожелтевших снимков на девочку смотрела хрупкая мечтательная барышня в облаке светлых непокорных кудрей. Взгляд устремлен куда-то вдаль, тонкие пальцы порхают по клавишам рояля. Рядом, на мольберте, – неоконченная картина. Неведомый пейзаж: уютная бухта в окружении мягких холмов, узкие, тянущиеся к солнцу домики, кораблик неторопливо отчаливает от берега, словно не хочет покидать этот рай.

Девочка рассматривала черно-белую фотографию снова и снова, каждый раз придумывая новые оттенки голубого, зеленого, желтого для маминой работы. Как картина выглядела на самом деле – никто не знал, потому что все мамины рисунки потерялись во время бесконечных переездов из гарнизона в гарнизон. А может, мачеха все выбросила. Она до сих пор ревновала Андрея Николаевича к его первой супруге, скончавшейся в Брест-Литовске в первые часы после рождения Лиды 23 марта 1895 года.

Нет, девочка не винила отца, что он, овдовев, почти сразу женился снова. Поручик Никаноров был слишком увлечен военной службой, чтобы посвятить себя воспитанию двух дочерей и маленького сына¹². Особенно – после перевода в Ветлужский резервный батальон, дислоцированный в Казани. На новом месте пришлось с нуля завоевывать авторитет, где уж тут найти время для детей! Поручик раздумывал не долго, привел в дом Елену Александровну Мартынову, оказавшуюся той самой мачехой из сказки. «Он – добрый, мягкий человек, все его любят, а она властная, подозрительная, ее боятся и обманывают, – рассказывала потом Лида. – Я-то не боюсь, а у сестры – забитый вид»¹³.

Лида была рада уехать из дома за две сотни верст¹⁴, в другую губернию – отец пристроил ее в Симбирскую Мариинскую женскую гимназию с проживанием в пансионе. Плата была немаленькой – около сотни рублей в год¹⁵, а еще надо было шить форму, покупать учебники, – но Андрей Николаевич надеялся, что преподаватели гимназии выведут его дочь на правильную дорожку. Слишком часто Лида огорчала отца пустыми фантазиями («вся в мать!» – злилась мачеха). А выпускницы Мариинки славились по всему Поволжью как скромные и образованные учительницы. Педагогика была вторым по значимости предметом в расписании после Закона Божьего. Также девочкам преподавали «женское хозяйственное рукоделие, гимнастику и танцевание»¹⁶.

Были в программе и французский с немецким, и русская литература, и математика с естествоведением... Но вот какой портрет выпускницы нарисовал директор Мариинской гимназии в уставе заведения:

- а) мать, воспитательница и учительница своих детей;
- б) хозяйка дома;
- в) женщина, имеющая любознательность и досуг к дальнейшему домашнему самообразованию;

¹² Из биографии Андрея Николаевича Никанорова (1863—1918?) на сайте «Офицеры РИА – крупнейшая открытая база данных и фотоархив офицеров и формирований Русской Императорской Армии начала XX-го века» (https://ria1914.info/index.php/Никаноров_Андрей_Николаевич).

¹³ Из романа Вениамина Каверина «Перед зеркалом» (1972), созданном по мотивам многолетней переписки Лидии Никаноровой и Павла Безсонова.

¹⁴ Около 213 км.

¹⁵ Иван Сивопляс. «Мариинка». // Онлайн-проект «Годы и люди», повествующий о событиях родины Ленина через документы, публикации, фото и видео хронику и воспоминания очевидцев. Проект реализуется при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (<https://годы-и-люди.pf/entry/7052>).

¹⁶ Антон Шабалкин, архивист. Мариинки учились на «десятки» и «двенадцатки». // Сайт клуба коллекционеров антиквариата «Антиклуб» (https://antikclub.ru/load/club_kollektors/istoriceskie_fakti/mariinki/).

г) женщина, стремящаяся к высшему школьному образованию¹⁷.

Саморазвитие – на последнем месте. На первом – семейные обязанности. Эти ценности были очень близки Андрею Николаевичу, успешному во втором браке обзавестись еще тремя детьми в дополнение к трем уже имевшимся¹⁸.

Особенно нравилась поручику Никанорову жесткая дисциплина в гимназии – почти военная. Учебное учреждение мало чем отличалось от монастыря.

«Уставом гимназии были установлены весьма строгие дисциплинарные правила, – сообщает историк Елена Антонова. – Девочкам запрещалось посещать развлекательные мероприятия, включая театральные постановки. Для эстетического развития учениц устраивались вечера в самой гимназии с исполнением стихов, вокальных и концертных номеров. Завершались вечера, как правило, танцами. Даже вне стен гимназии предписывалось ходить в форменной одежде»¹⁹.

Репутация гимназия была безупречной, если не считать двух выпускниц из неблагонадежной семьи Ульяновых. Анна и Ольга закончили Мариинку много лет назад, но в коридорах заведения до сих пор обсуждали их мятежных братьев – вполголоса, боязливо оглядываясь по сторонам. Учителя прекрасно помнили народовольца Александра Ульянова, казненного в 1887 году далеко отсюда, в Шлиссельбурге; а кто-то уже слышал и про его младшего брата Владимира Ленина – грозного обличителя царской власти, избравшего своей трибуной горнолыжные склоны Швейцарии²⁰. Вскоре этот энергичный лыжник сыграет решающую роль в жизни не только Лидии, но и всей России, и даже мира, – но пока на дворе 1904 год, Ленин еще наслаждается альпийским фондю, а Лида только что поступила в Мариинскую гимназию в его родном городе.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Из биографии А. Н. Никанорова на сайте «Офицеры РИА».

¹⁹ Антонова Елена Геннадьевна. Симбирская профессиональная школа во второй половине XIX – начале XX вв. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – УГПУ им. Ульянова, 2024.

²⁰ Письмо В. И. Ленина Инессе Арманд от 24 декабря 1916 года: «А на лыжах катаетесь? Непременно катайтесь! Научитесь, заведите лыжи и по горам – обязательно. Хорошо на горах зимой! Прелесть и Россией пахнет».

Тайный роман

Училась Никанорова прекрасно, на одни «двенадцатки» – высшие оценки; но ее «гадкое настроение» не укладывалось в строгие гимназические рамки. «По поведению мне хотели поставить одиннадцать, но поставили все же двенадцать, жалея мои успехи, – признавалась Лида другу. – Я лгала, смеялась и снова лгала. Вы даже не можете вообразить, как часто приходится лгать в пансионе, особенно начальству, – на каждом шагу. Иногда даже хочется сказать правду, я попробовала, но перестала, заметив, что ее-то и принимают за ложь»²¹.

За полтора года до выпуска Лида научилась хитрить виртуозно – чтобы скрыть от всех окружающих свою первую любовь.

В конце 1909 года отец пригласил Лиду в Казань на Рождество; Андрей Николаевич и предположить не мог, что дочь тайком сбежит на зимний бал в Казанской мужской гимназии²² и познакомится там с высоким белокурым юношей в светло-синем пенсне и длинном парадном мундире устаревшего покроя. Гимназист, не по годам серьезный, учтиво щелкнул каблуками, представившись Павлом Безсоновым²³.

Они плясали кадрили, разрывая длинные ленты серпантина; разгоряченные танцами, пили лимонад и ели воздушные пирожные из буфета; потом Безсонов предложил проводить Лиду до дома. Снег искрился и сверкал от луны – и было так холодно, что у девушки замерзли губы. Павел вел ее, как королеву, держась вполборота к ней, нарочно, чтобы показать, что он только для нее существует на свете. С этого вечера начался отчаянный эпистолярный роман двух далеких влюбленных.

Сразу после рождественских каникул Лидия вернулась в Симбирск, где ей предстояло готовиться к выпускным экзаменам; а так хотелось думать о любви, говорить с новым другом обо всем на свете! «Вы пригласили меня, и мне все думалось: почему Вы именно меня пригласили? – писала Лидия Павлу. – Когда мы танцевали венгерку, мне было страшно, что Вы потеряете свое пенсне. Кстати, я так и не знаю, какие у Вас глаза, мне кажется – серые или голубые? У меня – неопределенного цвета: иногда зеленые, а иногда серые, за что в пансионе меня звали „русалкой“ и „Ундиной“». ²⁴ Письма приходилось посылать через третьи руки, чтобы классные дамы и тем более отец с мачехой не догадались, что Лида страстно увлеклась нищим гимназистом, живущим только за счет уроков математики, которые он давал детям из богатых семей.

Сдержанный Павел, для которого весь мир сводился к таблицам и уравнениям, читал хаотичные, небрежные девичьи строки с удивлением и волнением, словно в руках у него оказалась трепещущая бабочка. На конвертах были оттиснуты цветные заставки: на одних письмах – Петрушка, погоняющий черта, на других – мышки, оседлавшие рыжего зеленоглазого кота. Среди исписанных страниц Безсонов находил засушенные цветы и секретки, заклеенные цветными облатками²⁵.

Лидия задыхалась в душной атмосфере гимназии. «Ужасно надоело в пансионе, – жаловалась она Павлу. – Скоро экзамены, хочу сдать хорошо, надо заниматься, тем более, что я думаю о курсах, к которым совершенно не подготовлена. Но времени совершенно нет! Наде-

²¹ Из биографического романа «Перед зеркалом».

²² Об этой встрече писал сам Павел Александрович Безсонов в автобиографии для кафедры Высшей математики Московского института химического машиностроения (источник: http://v.michm.ru/index.php/Кафедра_Высшей_математики).

²³ Дореформенное написание – Безсонов. Современное – Бессонов. По воспоминаниям его коллег с кафедры, сам Павел Александрович просил называть его Безсоновым.

²⁴ Из романа «Перед зеркалом».

²⁵ Рипсима Галстян. Учитель и бесценный друг Вардгес Суренянц: роман Вениамина Каверина «Перед зеркалом» и художница Лидия Никанорова. // Официальный сайт Армянского музея Москвы и культуры наций (<https://www.armmuseum.ru/news-blog/kaverin-nikanorova-surenyants>).

ялась почитать на Страстной и на Пасхе – каждый день служба, да еще два раза, очень утомляюсь»²⁶.

Она сбегала от скучной реальности в книги: «Читаю сейчас „Путешествие на корабле „Бигль““ Дарвина²⁷. Подумать только – юношей отправиться на пять лет в кругосветное путешествие. Какое счастье!»²⁸ С бесконечным упоением Лида впитывала каждое слово исследователя, восхищенного фантастической природой Южной Америки и в особенности Рио-де-Жанейро: «Следуя по тропинке, я вошел в величественный лес, и с высоты 500—600 футов передо мной предстал один из тех великолепных видов, какие так обычны повсюду в окрестностях Рио. На этой высоте пейзаж принимает самые яркие краски, и каждая форма, каждый оттенок так решительно превосходят по своему великолепию все то, что европеец видал когда-либо у себя на родине, что не находишь слов для выражения своих чувств. Общее впечатление часто вызывало в моей памяти самые пышные декорации Лондонской оперы или других театров. Я никогда не возвращался с этих прогулок с пустыми руками»²⁹.

Настольной книгой Лиды стал «Дневник» Марии Башкирцевой³⁰ – исповедь юной художницы, самой знаменитой «русской в Париже», первой красавицы двух стран, скончавшейся от туберкулеза в возрасте двадцати пяти лет, но оставившей после себя богатейшее наследие: сотни рисунков, эскизов, полотен, пастелей, скульптурных этюдов, а самое главное – сто пять тетрадей, полных романтических мечтаний, эмоций и откровений.

Как замирало сердце Лиды от этих строк: «А теперь, я прошу вас, не читайте то, что я сейчас напишу. До сих пор я думала, что эта книга будет образцом морали и будет рекомендована для чтения в школах и пансионах. Послушайте, я советую вам не читать дальше, потому что вы разочаруетесь во мне, вот и всё!.. Он притянул меня к себе... не читайте, еще не поздно!.. он поцеловал меня в правую щеку... и вместо того, чтобы оттолкнуть его, я отдалась в его власть и обняла обеими руками за шею...»³¹

А разве можно было остаться равнодушной, читая признания в любви к Парижу – столице высокого искусства?

«Я мучилась, так как не знала, чего хочу. Теперь я прозрела, я знаю, чего хочу!.. – писала мадемуазель Мари. – Шум Парижа, этот громадный, как город, отель, со всем этим людом, вечно ходящим, говорящим, читающим, курящим, глазающим – голова идет кругом! Я люблю Париж, и сердце мое бьется. Я хочу жить скорее, скорее, скорее... („Я никогда не видал такой лихорадочной жизни“, – сказал Д., глядя на меня.) Это правда, я боюсь только, что это желание жить на всех парах есть признак недолговечности. Кто знает? Ну вот, мне становится грустно... Нет, не хочу грустить... У меня лихорадочная потребность учиться, а руководить мною некому. С каждым днем я все больше увлекаюсь живописью»³².

«Читали вы дневник Марии Башкирцевой? – спрашивала Лидия Павла. – Я не могу от него оторваться!.. Башкирцева пишет, что жизнь – это Париж, а Париж – это жизнь. Может быть, поехать учиться в Париж?»

²⁶ Из романа «Перед зеркалом».

²⁷ Полное название книги: «Дневник изысканий по естественной истории и геологии стран, посещенных во время кругосветного плавания корабля ее величества „Бигль“ (под командой капитана Королевского флота Фицроя) Чарльза Дарвина, магистра наук, члена Королевского общества, 1845». Основная цель путешествия – Южная Америка.

²⁸ Из романа «Перед зеркалом».

²⁹ Дарвин Чарлз. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль» / Пер. с англ. С. Л. Соболя. – 4-е изд. – М.: Мысль, 1983.

³⁰ Мария Константиновна Башкирцева (1858—1884).

³¹ Мария Башкирцева. Из неизданного. // Загадка Марии Башкирцевой: самый популярный женский дневник XIX века. Культура.РФ (<https://www.culture.ru/materials/56560/zagadka-marii-bashkircevoi-samyi-populyarnyi-zhenskii-dnevnik-xix-veka>)

³² Оригинал: французский. – Перевод опубл.: 1884. Источник: Башкирцева М. Дневник Марии Башкирцевой / Пер. с фр. под ред. Л. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 2001.

Покорение другой столицы

Итак, слово «Париж» прозвучало.

Но пока эта цель кажется несбыточной мечтой. Пока непонятно даже, как завершить школьное образование. В семье кончились деньги. Оплачивать восьмой класс гимназии нечем. Лида, получив за седьмой класс золотую медаль, покидает Симбирск и переезжает в захолустный Сарапул³³, куда перевели ее отца, теперь уже капитана. Здесь формируется новый 194-й Троицко-Сергиевский полк, и у капитана Никанорова забот хватает и без непутевой дочери, раздражающей его нелепыми рассуждениями о Париже.

Но Лида не сдаётся. Дает частные уроки французского и математики. Зарабатывает пусть немного, но достаточно, чтобы оплатить свое обучение в восьмом классе Сарапульской гимназии. И наконец-то делает первый шаг к мечте – начинает заниматься живописью профессионально.

«Смешно вспоминать, как наивна я была в пансионе! Только теперь я начинаю знакомиться с жизнью, и нельзя сказать, что она встречает меня с цветами, – сообщает Лидия Павлу. – Пришлось остаться и кончать восьмой класс в Сарапуле. А как здесь я скучаю! Все одна! Совершенно не с кем поговорить по душе! Сколько сомнений! Невозможно было больше жить надеждами, мечтой о будущем. И вот я поступила в рисовальную школу. Плата недорогая, но все же пришлось взять еще один урок. Я стараюсь скопить хоть немного денег, потому что очень мучаюсь своей зависимостью от родителей и знаю, что она будет особенно тяжела в Петербурге... Знаете ли Вы, что я служу в деревне? Мне нужны средства, чтобы учиться. Хотя бы с грошами, но дала себе слово в будущем году поехать в Питер. Может быть, поступлю на Бестужевские. Мне всегда хотелось изучать искусство, – у меня порядочные способности к рисованию, но это трудно для меня в материальном отношении... На помощь отца я не рассчитываю, мы с ним говорим на разных языках»³⁴.

Каждый день Лида думает о маме – она бы поняла и поддержала. Но мамы нет, и все приходится делать самой. Идти наперекор отцу, обстоятельствам... Раз Париж невозможен – начнем с Петербурга?

По дороге в столицу, без предупреждения, решила заехать к Павлу в Казань. Первая встреча после знакомства на балу. Всего один день – но какой волшебный!

«Мне вспоминается Зилантов монастырь, когда мы карабкались по горке, – писала потом Лида. – Вы рассказывали, что в одной из пещер, по преданию, жил когда-то крылатый змей Зилант, и так смешно вдруг изобразили его, что я чуть не упала на землю от смеха. А этот в соборе серебряный ковш с надписью, которую Вы объявили своей жизненной программой: „Пивше возвеселимся и любовью усладимся и вовеки тоя не лишимся“, – видите, я запомнила наизусть!»³⁵

На базаре Павел купил ей вышитую бисером тюбетейку с кисточкой и хорошенькие татарские туфли, бархатные, украшенные золотой канителью, объявил, что Лида «похожа на царицу Сююмбеки, и тут же разыграл старого, сторбленного визиря с трясущейся головой, который показывает Казань капризной царице»³⁶. Потом, уже серьезно, посоветовал девушке подать заявление на математическое отделение Бестужевских курсов. Привел в пример себя: учеба на физико-математическом факультете Казанского университета давала ощущение твердой

³³ Сарапул – город в Удмуртской Республике, Россия. С 1780 года в статусе уездного города входил в состав Вятской губернии.

³⁴ Из романа «Перед зеркалом».

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

почвы под ногами, дарила уверенность в завтрашнем дне. А рисованием разве проживешь? В этом Павел был согласен с капитаном Никаноровым.

Дрогнула Лида. Осенью 1913 года поступила на самое солидное отделение Бестужевских курсов – физики и астрономии. Углубилась в тригонометрию и алгебру, набрала учеников, забросила мысли о живописи.

Но летом 1914-го началась война. И всё вокруг изменилось.

В ожидании беды

«Милый мой, Вы думаете, что над Питером летают цеппелины? Нет. Ни цеппелинов, ни немцев мы пока не боимся, – писала Лида Павлу в сентябре 1915 года. – Мы боимся холода и голода. Пути заграждены, навигацию прозевали, запасов в городе нет или почти нет. Жизнь в Питере стала каторгой, так все дорого. Всякие акулы положительно готовы проглотить даже самого обывателя, а не только содержимое его кармана. Жизнь мчится с головокружительной быстротой – не успеваешь оглянуться, – не только остановиться. В этом году я совсем не могу заниматься живописью. По утрам хожу на лекции, оттуда на уроки и только к вечеру возвращаюсь домой».

Курсы стали слишком дорогими, Лида быстро оказалась вся в долгах. Но главное – в душе поселилось постоянное беспокойство.

Она волновалась за Павла – впрочем, мобилизация ему вряд ли грозила, Безсонов был единственным кормильцем своей семьи; но гораздо больше Лида переживала за отца. Капитан Никаноров воевал на Юго-Западном фронте под началом знаменитого генерала Корнилова. Сослуживец отца, младший унтер-офицер Максим Синовских, которого Лида прекрасно знала, погиб в конце 1914 года в последнем бою за Венгерскую равнину, успев отправить домой вот такое письмо: «Не знаю, что будет вперед. Затем я извещаю вас, что с 26-го сентября и до 22-го октября был сильный бой, но все-таки Бог нам помог и... австрийцы отступили... Ну, словом, переносили холод, голод, так что, если написать подробно, то ни за что не поверите, да я и сам бы не поверил, что человек или солдат может переносить такие лишения... Но за 26-дневный бой меня произвели в унтер-офицеры и назначили Георгия крест»³⁷.

Пасху 1915 года Андрей Николаевич встретил в убогом селе Галиции, затерявшемся в Карпатских горах. «Вместо обычных сдобных, затейливо украшенных куличей, моим взорам предстал обычный чёрный хлеб, впрочем, не обычный, а из чисто ржаной муки без картофеля и других суррогатов»³⁸, – вспоминал священник 194-го Троицко-Сергиевского полка.

Забыты были семейные споры. Лида отправляла отцу трогательные письма с милыми рисунками и с нетерпением ждала ответа.

«Чем ближе подходил к концу 1916 год, – вспоминал поэт Всеволод Рождественский, – тем явственнее ощущалась в воздухе надвигающаяся лавина каких-то еще небывалых событий. Утренняя почта приносила письма и газеты, которые каждый разворачивал с безотчетной и острой тревогой. Полнее всего выразил это чувство в одном из своих стихотворений Александр Блок:

*«Что-то в мире происходит.
Утром страшно мне раскрыть
Лист газетный...»³⁹*

То в одной, то в другой газете мелькали пустые белые колонки изъятого цензурой текста, что еще больше усиливало беспокойство жителей по поводу происходящего. «Надвигается несурязица. Пустыми, непонятными страхами пугает», – так растерянно и испуганно воспринимали действительность многие современники, тревожно вглядываясь в ежедневную рубрику

³⁷ Вячеслав Дегтярников, Дмитрий Софьин. Наш полк: между красными и белыми. Часть II. // Онлайн-газета «Пермская трибуна» от 30.05.2016 (<https://web.archive.org/web/20161220034458/http://tribunaperm.ru/2016/05/30/nash-polk-mezhdu-krasnymi-i-belymi-chast-ii/>).

³⁸ О. Николай (Яхонтов). Пасха в 194 Троицко-Сергиевском полку. На позиция. // Пермские ведомости» №105 от 22 апреля 1915 года.

³⁹ А. Блок. Как растет тревога к ночи!.. (1913).

газетных новостей «Что вчера случилось». Третий год шла война, которую теперь уже нередко называли в прессе «кошмарная», – война, оказавшаяся не только затяжной, но и не обещавшей победного конца. «Вселяя в колеблющиеся умы сомнения и тревоги», она напоминала о себе постоянно утратами, мобилизациями, займами»⁴⁰.

Атмосфера грозная. Сосредоточиться на нелюбимой математике невозможно. Лида пытается отвлечь себя от паники – записывается на лекции по древней Византии. Однако академик Успенский не дает забыть про войну. Предрекает скорое падение Османской империи, победоносное вступление русских войск в Константинополь, возвращение в лоно христианства мечети Айя-София – «первостепенного православного памятника в Цареграде, несравненного по изяществу и доселе не превзойденного по архитектурному искусству»⁴¹.

Лида закрывает глаза, и перед внутренним взором вырастает величественный собор святой Софии: «Светящиеся бело-восковые овалы вокруг красных язычков свечей, стены храма в теплом блеске мозаик. Тяжелые золотые одежды покачиваются на священниках торжественно и пусто. Везде эмали – фиолетовые, оранжевые, черные, зеленые – и на этих одеждах, и в убранстве икон, с которых глаза святых смотрят пристально и неподвижно»⁴².

Живопись настойчиво зовет Лиду, обещает спасение от всех тревожных мыслей: «Я пишу во сне, в уме, на лекциях, в трамваях, – признается она в письмах. – Мгновенье, когда кисть прикасается к холсту, вспоминается мне как блаженство, которого я лишена незаслуженно, несправедливо»⁴³.

⁴⁰ В. П. Лапшин. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. – М.: «Советский художник», 1983.

⁴¹ Ф. И. Успенский. Докладная записка о патриархате и Св. Софии. 1915 г.

⁴² Из романа «Перед зеркалом».

⁴³ Там же.

Мир пыльного искусства

1 декабря 1915 года Лида решила – бросила курсы, ушла к «мирискуснику» Добужинскому⁴⁴. Сразу же пришлось оправдываться перед Павлом:

«Я поступила безрассудно – пишете Вы: любовь к живописи я приняла за талант? Но как Вас убедить в том, что эта любовь совсем не абстракция, а такая же вещественность, как голод или жажда? Ван Гога свела с ума живопись, это несколько не удивляет меня. И потом, почему Вы думаете, что у меня нет никакого таланта?.. Не первого же зашедшего с улицы берет в свою мастерскую Добужинский!»⁴⁵

Увы! Очень скоро начинающая художница разочаровалась в своем выборе. Приемы мэтров безнадежно устарели. Время требовало острой, напряженной живописи; а «мирискусники» продолжали выпускать всё те же сонные городские пейзажи с изящно выписанными деревьями в слегка надменной манере «тонкого стилизма»⁴⁶. Петербург, а не Петроград был на их картинах.

Размеренные уроки Добужинского казались Лиде невыносимо скучными, оторванными от реальности. Как можно часами вырисовывать виньетки, замысловатые орнаментальные завитки, когда мир переворачивается с ног на голову?

«Юбилейная акварельная выставка, – писали газеты о работах студии Добужинского в 1916 году, – мало чем отличалась от общего унылого тона, какой царит на этих выставках всегда... осенняя и в этом году была жалка... урожай весенней выставки дал очень мало зерна, но зато много соломы... обе передвижные выставки закоснели бы совсем, если бы не попытка подновить себя молодыми зачастую случайными сочленами и если бы не превосходные старые этюды И. Репина... Стоячее болото – вот два слова для определения этих и подобных им выставок, если говорить о том общем впечатлении, какое они оставляют по себе у человека, ищущего живого и смелого творчества»⁴⁷.

«В живописи главное – нахальство, – сказал Лиде один насмешливый критик. – За первое десятилетие XX века художники всего мира старались разучиться рисовать. Матисс был первоклассный рисовальщик, но и он приложил все усилия, чтобы отделаться от своего искусства. С точки зрения публики, он вдруг стал рисовать, как дети. А на деле он учился тому рисунку, который был нужен для его живописных идей... Так что у вас, барышня, ничего не выйдет. Вы корректны, а на арену надо вылезать в некорректном виде. Если хотите научиться чему-нибудь, милая барышня, – поезжайте в Париж. А здесь вы только одному научитесь – не уметь работать»⁴⁸.

Лидия металась. В голове – полный сумбур. Столько усилий – и всё зря! Столько шагов – и все не в ту сторону! Куда же идти теперь? Неужели и правда в Париж?

Ребята из мастерской Добужинского шепетом передавали друг другу легенду об «Улье» на Монпарнасе. Рассказывали, что в «Улье» найдет пристанище любой, даже самый бедный художник, покупающий на рынке всего лишь кусок длинного огурца⁴⁹.

⁴⁴ Мстислав Валерианович Добужинский (1875—1957) – русский и литовский художник, мастер городского пейзажа, участник творческого объединения «Мир искусства», художественный критик, мемуарист.

⁴⁵ Из романа «Перед зеркалом».

⁴⁶ Н. П. Лапшина. Творчество М. В. Добужинского в 1907—1917 годах. Журнал *Sovfarfor*.

⁴⁷ Эрберг Конст. Художественная жизнь в 1916 году. – «Биржевые ведомости», утр. вып., 1917, 12 января, №16034. //

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Из воспоминаний Марка Шагала о жизни в Париже в 1910 году. Источник: Марк Шагал. Моя жизнь. – Marc Chagall. MA VIE (1928). – Н. С. Мавлевич, перевод (1994, 2022). Издание на русском языке, оформление: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021.

Позже Марк Шагал вспоминал: «Поначалу я снимал студию в тупике дю-Мэн, но вскоре перебрался в другую, более соответствующую моим скудным средствам. То была одна из ячеек „Улья“. Так называлась сотня крошечных мастерских, расположенных в сквере возле боен Вожирар. Здесь жила разноплеменная художественная богема. В мастерских у русских рыдала обиженная натурщица, у итальянцев пели под гитару, у евреев жарко спорили, а я сидел один, перед керосиновой лампой. Кругом картины, холсты – собственно, и не холсты, а мои скатерти, простыни и ночные сорочки, разрезанные на куски и натянутые на подрамники. Ночь, часа два-три. Небо наливается синевой. Скоро рассвет. Неподалеку бойни, коровы мычат, я их пишу. Так я и просиживал до утра. В студии не убиралось по неделям. Валяются багеты, яичные скорлупки, коробки от дешевых бульонных кубиков. Не угасает огонь в лампе – и в моей душе. Лампа горит и горит, пока не поблекнет фитилек в утреннем свете. Тогда я забирался к себе на чердак. Самое время выйти на улицу и купить в долг теплых рогаликов, а я заваливался спать. Попозже утром непременно являлась прислуга, непонятно зачем: то ли прибраться в студии (это обязательно? только не трогайте ничего на столе!), то ли просто посмотреть на меня. На дощатом столе были свалены репродукции Эль Греко и Сезанна, обеды селетки – я делил каждую рыбину на две половинки, голову на сегодня, хвост на завтра, – и – Бог милостив! – корки хлеба».

Но все это было до войны, думала Лида, а что сейчас делается в «Улье»? И вообще в Париже? Никто не знал ответа на этот вопрос. Сообщение с Европой прервалось. Реальный мир стал совсем жестоким.

Хотелось спрятаться в теплых мужских объятьях и забыть обо всём.

Холодная любовь

В ноябре 1916-го Лида попросила Павла навестить ее в Петрограде. Он долго мялся, откладывая визит «до первого снега». Но вот уже все в сугробах, снег валит хлопьями, а любимого все нет как нет. Наконец – телеграмма: «Не смогу».

«Сколько долгих ночей провела я, мечтая о нашей встрече, и в ответ два слова, которые, как ножом, полоснули меня по сердцу, – отвечала Лида, глотая слезы. – „Меня бог любовью наказал“, – повторяю я слова Гамсуна. За что? Не знаю... Зачем лгать перед собой и перед Вами, что я в силах переносить этот „холодный кипяток“, это солнце, которое светит и не греет? Вы „любите и не разлюбите“? Так любят игривого котенка. Не пишите мне больше, это будет лучшим доказательством Вашего доброго ко мне отношения. Все хорошо, ничего не изменилось. Вы улыбаетесь, читая это письмо? Ваша правда, в нем есть нечто смешное. Пожалуйста, верните мои письма, которые Вам, без сомнения, не нужны».

Она почти уже согласилась выйти за замуж за одного знакомого столичного искусствоведа – и тут вдруг Павел ворвался в зимний Петроград на пышущем жаром поезде. Несколько дней ревности и страсти закончились ужасной ссорой – Павел заявил, что не верит в счастливое супружество и жениться не намерен: «Любовь есть нечто противоположное так называемому „семейному очагу“», – сообщил он Лиде, профессорским жестом поправляя пенсне на переносице. А затем вернулся в Казань. Один.

Спустя пару дней, 5 января 1917 года, Лида, и без того разбитая, получила телеграмму от мачехи. Отец тяжело ранен на Румынском фронте. Лежит в госпитале, но скоро будет дома.

Вне себя от волнения, Лидия кинулась на вокзал. За месяц до Февральской революции она уехала из Петрограда – как оказалось, навсегда.

Навестив отца, отправилась в Ялту – писать «слишком красивое» море, горы – «фиолетовые, с белоснежными пятнами на вершинах», рыбацкие лодки у каботажной пристани.

Поселилась Лида в семье драматурга Сергея Найденова, который потом рассказывал Павлу: «Жила она здесь в последнее время „надрывно“, рабой настроений, рабой своего сердца... Когда наступал период увлечения ее живописью, жизнь ее становилась более ясной, осмысленной и направленной к одной цели: сделаться профессиональной художницей... Несомненно – живопись могла бы быть путеводителем ее жизненного пути, но ей убийственно мешали, прежде всего, материальные обстоятельства: ее два раза обокрали, и она ходила в платьях с чужого тела, что стесняло ее и эстетически коробило... Билась, как рыба об лед, живя уроками»⁵⁰.

В Ялте Лидия и встретила Октябрьскую революцию, а затем и Гражданскую войну, отнявшую у нее отца. Капитан Никаноров, подлечившись после ранения, вступил в белую армию адмирала Колчака – как и другие офицеры 194-го Троицко-Сергиевского полка. И, вероятно, погиб в 1918 или 1919 году, сражаясь с большевиками⁵¹.

Тем временем, Павел, не получая от любимой ни строчки, всерьез забеспокоился. Бросил все свои принципы, раздобыл фальшивые документы, одолжил у друга запонки и часы для взятки по дороге; и тут получил письмо от художника Вардгеса Суренянца. Ялтинский наставник Лиды сообщал, что его ученица покинула страну – отправилась искать счастье в Константинополе, надеясь когда-нибудь добраться и до самого Парижа, где созидалось новое искусство.

⁵⁰ Р. Галстян.

⁵¹ Не сохранилось точных данных о судьбе капитана Никанорова после его ранения. По словам историка Дмитрия Лобанова, большинство офицеров 194-го Троицко-Сергиевского полка оказались в рядах армии Колчака, разбитой красными в 1919 году («Наш полк: между красными и белыми» – «Пермская трибуна»).

Спустя несколько недель в Казань пришел конверт, обклеенный иностранными марками и испещренный штемпелями на разных языках. Знакомый почерк! «Как могло случиться, – писала Лида из Турции, – что я уехала, убежала, не простившись с тобой? О, как много я требовала тогда от жизни, как была избалована, капризна, горда! Или тогда-то я и была – я, а теперь потеряла себя, одна, отрезанная от близких, измученная ненавистью, растерянностью, недоумением?»⁵²

Только письма – больше не осталось ничего. Черное море нерешаемых проблем простиралось между влюбленными. Лидия навсегда покинула Павла... По крайней мере, так ей тогда казалось. Но художница недооценила настойчивость молодого профессора Безсонова.

⁵² Из романа «Перед зеркалом».

Корабль отчаяния

Бегство из России в Константинополь было страшным. Светлая грусть по родине придет к эмигрантам потом; а в феврале 1920 года на черноморском побережье империи воцарился закон джунглей. За беженцами пришли британские корабли; люди брали их штурмом. Подъем по трапу сопровождался звериными схватками. Воспитание, образование, возвышенные чувства – все осталось за бортом спасательных крейсеров.

Транспортное судно «Рио Негро», пришвартовавшееся в Одессе, было рассчитано на 750 солдат. Капитан Эван Кэмерон принял на борт 1400 русских беженцев.

«Это было жуткое зрелище: многие из этих людей стояли на коленях в снегу, умоляя нас взять их на борт, но времени и места не было, а большевики уже заняли причал, – вспоминал капитан в книге „Прощай, Россия“. – Беженцы прибыли на самых разных видах транспорта, привезя с собой последние остатки своего имущества. Небольшие ручные тележки, кареты и красивые автомобили, а также тонны багажа, были свалены на причале, все пустые. Большинству из тех, кому посчастливилось попасть на борт, пришлось оставить свой багаж, хотя мы до последнего момента прилагали все усилия, чтобы принять их вещи... Среди спасенных нами людей были в основном женщины из высших слоев общества, очаровательные и утонченные; красивые молодые девушки и слабые дамы ютились на наших грубых палубах для войск. С ними были и несколько их родственников, раненые офицеры разгромленной Белой армии»⁵³.

Перегруженные корабли застревали в густом мелком льду, покрывавшем всю акваторию Одесского залива; взрывались на минах; «Рио Негро» чудом выбрался в нейтральные воды. Но тут экипаж и пассажиров судна поджидала другая опасность – эпидемия.

«К нашему ужасу, мы обнаружили, что многие беженцы больны тифом и нуждаются в немедленной помощи нашего доброго канадского врача, доктора Иэна Маккиннона, – рассказывал Кэмерон. – Можно себе представить состояние наших войсковых палуб с таким количеством людей на борту, ведь корабль был рассчитан всего на 750 солдат. Беженцы стояли, сидели или лежали, где только могли. Наш хирург вскоре спустился к ним и обнаружил так много больных тифом, что наверх он поднимался с выражением отчаяния и ужаса на лице, потому что у него не было достаточно медикаментов, не было медперсонала, и он был единственным врачом, который мог взяться за эту работу.

Перспективы выглядели не очень радужными. Тиф распространялся, нужно было что-то предпринять, и мы принялись за дело. В первую очередь нам нужно было очистить и продезинфицировать палубы. <...> Это было тяжелое дело, но если мы хотели кого-то спасти, это был единственный выход. Мы собрали трудоспособных русских мужчин и объяснили им, что нужно делать. Борясь с естественным нежеланием людей покидать тепло внизу, с их отвращением убирать за другими, мы вынуждены были указать им на тот факт, что они находятся на британском корабле и должны подчиняться приказам. После долгих пререканий и переговоров нам наконец удалось разделить их на группы и приступить к работе. <...> На каждую палубу был назначен старший русский, у которого было несколько подчиненных, и мы еще раз объяснили им всю важность проведения санитарных работ. Поскольку погода была хорошая, многие предпочли остаться на палубе, что облегчило нам уход за больными.

Хирург сообщил мне, что многие из наших пассажиров были заражены паразитами. Мы провели полный медицинский осмотр беженцев. Почти все они были благородного происхождения, но очень плохо одеты. У них не было ничего, кроме одежды, в которой они стояли. Всю суровую зиму они жили в крайней нищете. Стоит ли удивляться, что многие из них были зара-

⁵³ Goodbye Russia: adventures of H.M. transport Rio Negro by Cameron, Evan Perival. // London: Hodder and Stoughton, 1934. (перевод с англ.)

жены паразитами? Было грустно видеть лучших людей России в таком ужасном положении. Как бы плохо они ни управляли своей страной в прошлом, их наказание казалось слишком жестоким»⁵⁴.

На таком же переполненном корабле «Шилка» покидала Россию Надежда Александровна Тэффи – любимая писательница императора Николая II, «королева юмора». Пассажиры «Шилки» сами грузили уголь, чистили рыбу и мыли палубу в кружевных нарядах – зрелище сюрреалистическое: «Переодеться-то было не во что, – вспоминала Тэффи. – Вообще на „Шилке“ носили то, что не жалко, сохраняя платье для берега, так как знали, что купить уже будет негде. Поэтому носили то, в чем в ближайшие дни никакой надобности не предвиделось: какие-то пестрые шали, бальные платья, атласные туфли. На мне были серебряные башмаки... Все равно в них по городу не пойдешь квартиру искать»⁵⁵.

У Лиды серебряных башмаков не было. Отскребала палубу все в тех же старых ботинках и выдавшем виды платье, которое ей кто-то дал в Ялте.

Через несколько дней унижительное путешествие, ломавшее самые стойкие характеры, закончилось. На горизонте показался Константинополь. Он же – Стамбул, Новый Рим, Византий и Царьград. Город великих свершений и великих падений. Здесь русским эмигрантам предстояло начать новую жизнь. И вовсе не в качестве победителей, как мечталось академику Успенскому. А в качестве самых угнетенных просителей.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Надежда Тэффи. Моя летопись. Воспоминания. – М.: Центрполиграф, 2023.

Царьград прекрасный и жестокий

Сверкали под зимним солнцем воды пролива Золотой Рог, сияли белыми стенами богатые дворцы, тонкими иглами врезались в прозрачное небо минареты. Над всем этим восточным великолепием возвышалась мудрая древняя Айя-София, которая за полтора тысячелетия успела побывать и православным собором, и мусульманской мечетью, и светским музеем, – но сохранила свои удивительные мозаики в неизменности.

Лидия давно мечтала попасть в этот храм, но сначала нужно было как-то обустроиться в незнакомом городе. Задача непростая даже в спокойные времена. Что уж говорить про чудовищную зиму 1921 года!

«Константинополь представлял собой один большой базар, полный шума, лая бродячих собак, выкриков уличных торговцев и нищих, – рассказывает историк Хелен Раппапорт. – Множество детей потерялось во время бегства; теперь они ночевали на улицах и просили милостыню. Некоторые русские женщины, чтобы прокормить детей, продавали остатки одежды, так что им не в чем было выйти из дома. Повсюду, куда ни глянь, попадались на глаза отчаявшиеся, обнищавшие русские: бывшие генералы работали в прачечных и на кухнях; графини и княгини мыли полы и тарелки, стояли на углах улиц или на мосту Галата, пытаясь продать блузку, форменный мундир, пригоршню медалей, букетик фиалок, пару сапог или старую зимнюю шубу»⁵⁶.

«Да, много русских опустилось на „самое дно“... Зачем так безумно много в жизни горя и боли?»⁵⁷ – писала Лидия в дневнике, а на соседней странице по памяти набрасывала стихи Ахматовой:

*«Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так сделался каждый день
Поминальным днем, —
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве»⁵⁸.*

Денег у Лидии хватило ровно на два дня. Обессиленная, она бегала по городу, пытаясь найти работу. В маленькой пивной ей предложили играть на пианино за обед и ужин. Художница с радостью ухватилась за эту возможность. В этом кабаке Лида провела пять долгих месяцев.

«Звалась я Нина́, – писала художница своему далекому возлюбленному. – Говорилось много пошлостей, слышала я и немало грязных предложений – главным образом от греков и французов, но пивная была „честная“, хозяева заступались, и приходилось дипломатически увертываться, чтобы не отучить клиента от посещений. <...> С десяти утра до одиннадцати вечера – в шумной, красочной, беспокойной толпе. Мой питерский знакомый, о котором я тебе писала, одолжил мне денег на постели, я стала делать портретные наброски матросов там же, в пивной, и они мне иногда недурно платили. Но я задыхалась там! Я боялась своих хозяев, они

⁵⁶ Хелен Раппапорт. Русская эмиграция в Париже. От династии Романовых до Второй мировой войны (2023).

⁵⁷ Записи в дневнике Л. Никаноровой от 01—02.02.1922. Из статьи Марины Ломовской «Герои Каверина в романе и жизни» (журнал «Звезда», номер 8, 2011).

⁵⁸ Анна Ахматова. Думали: нищие мы, нету у нас ничего... (1915).

держали меня, как пансионерку, боясь за честь своей пивной, – о русских женщинах в Галате плохая слава. Меня никуда не пускали и сами почти никуда не ходили»⁵⁹.

В этом пропахшем дрожжами аду Лида познакомилась с Борисом. Совсем не ее поля ягода! Простой парень, по-деревенски сметливый и неторопливо-дельный. На войну попал со школьной скамьи, потерял в боях ногу, но жаловаться на судьбу не привык – решал потихоньку свои проблемы, медленно, но верно. По вечерам отдыхал в пивной, слушал знакомые романсы, тонул потихоньку в колдовских зеленых глазах пианистки. Однажды честно признался ей, что устал от холостяцкой жизни на чужбине; если Лиде тоже одиноко, почему бы им не пожениться?

И Лида согласилась. Все по Шекспиру: она его за муки полюбила, а он ее за сострадание к ним⁶⁰. И больше ни за что – Борис совсем не разбирался в искусстве.

«Замуж вышла, потому что не могла больше жить одна, – оправдывалась она потом в письме к Павлу. – Я привыкла к нему, привязалась, он для меня – как младший брат, который нуждается в женской заботе... В нем есть та примиренность, уравновешенность, которой мне так не хватает... Намучившийся и научившийся скрывать свои страдания, не только душевные, но и физические... От живописи он не только далек – он не понимает, зачем мне заниматься этим ничего не обещающим делом. Пока это мне не мешает, потому что мой интерес к искусству все же вызывает с его стороны известное уважение»⁶¹.

Потихоньку дела пошли на лад – во многом благодаря спокойному прагматизму Бориса. Молодоженам удалось найти фантастическую работу – в стамбульской резиденции бывшего египетского наместника, хедива Аббаса II Хильми. Лидия занималась с его дочерьми ритмической гимнастикой и рисованием, потом хедив повысил ее до должности «драгомана при королевском дворе» – то есть переводчика и писаря. Муж Лидии завоевал безоговорочное доверие хедива; Аббас назначил Бориса заведующим хозяйством большого имения на берегу Босфора, в Чубуклу, где «воздух голубой, цвета кобальта». Жалование было крохотным, но условия жизни – курортные.

«Не земля у меня под ногами, а плот, – писала Лидия Павлу. – Помнишь, у Ахматовой:

*«Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета»⁶².*

Плот мой – Чибукли⁶³. После падения Крыма, когда число русских беженцев увеличилось здесь в десятки раз, стало ясно, что наша жизнь в Чибукли – это редкая, неоценимая удача... Живем мы в стороне от города, совсем одни, среди турок, арабов и персов, в большом парке, у самого моря. В доме – электрическая кухня и прачечная, а мы готовим на мангале, воду таскаем ведрами, и единственный признак цивилизации – примус. Выучилась плохо говорить по-турецки. По вечерам перечитываем старые русские и французские книги (на новые денег нет) ... Сейчас работаю над портретом старика суданца, высокого, тонкого, с белой бородой, в белой чалме, который сидит с утра до вечера под таким же, как он, вековым, корявым дубом, сунув свои черные ноги прямо в костер. (Он – сторож парка.) Выразительнейшая фигура! Одна беда: не хочет позировать. Как только замечает мои покусения – уходит»⁶⁴.

⁵⁹ Из романа «Перед зеркалом».

⁶⁰ Отсылка к «Отелло» Уильяма Шекспира (1603). В оригинале: «Она меня за муки полюбила, а я ее – за состраданье к ним».

⁶¹ Из романа «Перед зеркалом».

⁶² Анна Ахматова. На шее мелких чётков ряд... (Журнал «Северные записки», 1914, №6.)

⁶³ Правильно – Чубуклу (Çubuklu). Исторический район на азиатском берегу Стамбула (Босфор), известный своими живописными видами, старинными особняками (ялы) и спокойной атмосферой.

⁶⁴ Из романа «Перед зеркалом».

К следующей зиме Лидия восстановилась настолько, что решила «серьезно штудировать Византию». Надоело ей «Марфинькино счастье» – так иронично она называла свою размеренную семейную жизнь с Борисом. «Душа-цыганка» рвалась прочь от примуса, дымного мангала и кроликов, которых у хедива развелось великое множество.

Ангелы Византии

Попасть в Айю-Софию оказалось непросто, женщин в мечеть не пускали, тем более – с кистями и красками; и Лидия отправилась в Кахрие-Джами – бывшую церковь Христа Спасителя в Полях, там тоже сохранились византийские мозаики. Ехать было далеко, почти час до города, там еще час на трамвае. Старый муэдзин за 20 пиастров позволил ей срисовывать фрески; небольшая цена за то, чтобы перенестись в другое, призрачное и бесконечно красивое измерение.

«Как чудесно – совсем отрешиться от внешнего мира, а целые дни проводить в этой прелестной Кахрие-Джами, – писала Лидия в дневнике. – Страстно работаю, в отдых лежу на циновке и опять смотрю на „моих“ чудесных сказочных ангелов – да, на „моих“ – я чувствую вся Джами стала моей – я изучила каждый уголок (хотя все еще кажется новым) пылливо угадываю колорит фресок под слоями штукатурки, пыли, заставляю их возникать из хаоса в стройное видение»⁶⁵.

Работа спорилась. Ангелы были очень похожи на маму Лидии с заветной фотографии, пронесенной сквозь все невзгоды; рисовать их было легко и приятно; оставалось только придумать для небожителей подходящий цвет.

Как-то раз в Кахрие-Джами забрели англичане, восхитились акварельными мозаиками Лидии и приобрели сразу пять ее работ для музея Виктории и Альберта – за хорошие деньги.

10 февраля 1922 года воодушевленная Лидия познакомилась на выставке с молодым художником Георгием Артемовым из Ростова. Тот перебивался с хлеба на воду продажей «прелестных этюдов Стамбула», в которых, однако, сразу чувствовалась рука профессионала. Живописью Георгий занимался с шестнадцати лет – в 1899 году состоялась первая выставка его работ, он представил публике 50 картин. Потом были Московское училище живописи, ваяния и зодчества, мастерская Коровина⁶⁶, стипендия для продолжения учебы в Париже – именно оттуда Артемов ушел добровольцем на фронт в Шампани, где был серьезно ранен. В 1917-м художник вернулся в Россию, чтобы сражаться с большевиками. Служил офицером связи в армии Врангеля, потерял деньги и имущество – все было украдено или отнято; сохранил лишь рукоятку фамильной сабли, украшенную редкими камнями. Деньги от продажи драгоценного оружия помогли на первых порах в Турции⁶⁷.

Лида попросила Георгия позаниматься с ней рисунком; их общая страсть к искусству, как лесной пожар, перекинулась друг на друга; учеба закончилась любовной лихорадкой.

«Как жить дальше? – нервно писала Лидия в дневнике в разгар романа с Артемовым. – С Борей все построено на его терпимости и сильно развитом чувстве справедливости. У меня на страдании. Где найти в себе силу управлять собой самой, не причиняя боль другим?.. Как строить свою жизнь, если у другого она отнята, разбита?.. Как созидать, не разрушая? Как совместить дом и мир?»⁶⁸

Лидия разрывалась между двумя мужчинами – харизматичным, талантливым Георгием и крепким Борисом, надежным, как белые травертины Памуккале. А что же Павел? От него осталась только тень, которую Лидия старалась удержать на бумаге, как своих византийцев.

⁶⁵ Запись в дневнике Л. Никаноровой от 05.09.1923.

⁶⁶ Константин Алексеевич Коровин (1861—1939) – «русский импрессионист», один из наиболее известных московских художников Серебряного века, академик Императорской Академии художеств, главный декоратор и художник московских театров.

⁶⁷ «Герои Каверина в романе и жизни».

⁶⁸ Запись в дневнике Л. Никаноровой от 11.04.1923.

Битву за сердце художницы выиграл Георгий. Он бросил к ее ногам Париж: выправил себе рабочую визу во Францию и сразу же оформил вызов для Лидии как для своей помощницы.

Под теплым дождем Монпарнаса

Из крохотной студии Артемова открывался дурманящий вид на осенний Люксембургский сад. Каждое утро Лидия скорее бежала к окну, распахивала скрипучие деревянные ставни – и дышала Монпарнасом. Волнующая атмосфера легендарного богемного квартала заполняла тесную комнатку, странным образом меняя все вокруг. Убогий интерьер студии вдруг казался поэтичным, а Георгия хотелось называть Жоржем, хотя что это за имя для донского казака.

Артемов и правда родился в семье атамана казацкой станицы Урюпинская на правом берегу реки Хопер – притока Дона⁶⁹. От отца он взял жгучую «цыганскую» внешность и вспыльчивый, порой бешеный нрав. Георгий не давал Лидии опомниться – то стремительно кружил любимую по комнате, безумно радуясь ее приезду из Стамбула, то затевал дикие сцены ревности, обвиняя Лидию в любви к другому (Борису, Павлу – поочередно), то восторженно хвастался полученными заказами, которые должны были вытащить его из этой ущербной комнатки куда-нибудь за город, желательно – в свой дом.

Но Лидия не хотела никуда переезжать. Она еще не насытилась Парижем – «дивно красивым и адски интересным». Пасмурная столица казалась ей не настоящим городом, а ожившей фантазией импрессионистов. «В мокрых панелях отражаются электрические огни, а контуры дворцов как будто вырезаны из черной бумаги. На улицах разноцветные огни смешиваются с каким-то странным светом вечернего воздуха, фантастически окрашены лица прохожих, деревья бульваров»⁷⁰, – восхищалась Лидия, впервые гуляя по берегу Сены в октябре 1923 года.

Ее охватили такие же чувства, как и Шагала, шагавшего по этим бульварам десять лет назад: «Никакая академия не дала бы мне всего того, что я почерпнул, бродя по Парижу, осматривая выставки и музеи, разглядывая витрины, – вспоминал Марк Захарович. – У Бернгейма на площади Мадлен витрины освещены, как бальный зал. Пожалуйста, вот Ван Гог, Гоген, Матисс. Входи, гляди на здоровье и уходи. И я заглядывал сюда раза по два в неделю. Но легче всего мне дышалось в Лувре. Меня окружали там давно ушедшие друзья. Их молитвы сливались с моими. Их картины освещали мою младенческую физиономию. Я как прикованный стоял перед Рембрандтом, по многу раз возвращался к Шардену, Фуке, Жерико... Бродя по круглому залу Веронезе или по залам, где выставлены Мане, Делакруа, Курбе, я уже ничего другого не хотел»⁷¹.

И вслед за мадемуазель Башкирцевой Лида пылко восклицала: «Боже мой! Какая мысль тревожит меня? Париж, да, Париж! Центр ума, славы! Центр всего – Париж! Свет и тщеславие! Голова кружится»⁷².

Художницу совсем не смущала крайняя нищета общины Фальгьер, где Артемов по знакомству снимал мансарду у своего друга-скульптора Осипа Цадкина⁷³. Непросто было взбираться по ветхой лестнице на седьмой этаж старого полуаварийного дома номер четырнадцать⁷⁴ – но соседство с самыми яркими талантами современности все искупало. По этим же

⁶⁹ Из статьи М. Ломовской.

⁷⁰ Из романа «Перед зеркалом».

⁷¹ М. Шагал. Моя жизнь.

⁷² М. Башкирцева. Дневник.

⁷³ Осип Алексеевич Цадкин (1890—1961) – русский и французский скульптор-авангардист, происходивший из витебских евреев. Завоевал огромную популярность в Европе и США, но в России его творчество не слишком известно. О дружбе Цадкина с Артемовым много писали искусствоведы, в том числе и здесь: Artemoff à la Galerie Moulins. // Esprits Nomades (<https://www.espritsnomades.net/arts-plastiques/georges-artemoff-a-la-galerie-moulins/>).

⁷⁴ В документах о регистрации брака Георгия Артемова и Лидии Никаноровой от 27 июля 1927 года указан их адрес:

ступенькам поднимался Гоген⁷⁵. В этих просторных, светлых, захлавленных мастерских, больше похожих на амбары или конюшни, Фудзита рисовал своих знаменитых котиков⁷⁶. По соседству бурлил шагаловский «Улей», о котором когда-то мечтали сокурсники Лиды.

Здесь билось сердце Монпарнаса.

Артемов знал тут все как свои пять пальцев. Еще до войны он познакомился в «Улье» с бунтарем Хаимом Сутиным⁷⁷, красавцем Амедео Модильяни⁷⁸ – и самим Пабло Пикассо⁷⁹. Георгий любил вспоминать это сумасшедшее время:

«Сначала Цадкин в Фальгиере мне предоставил свою мастерскую. Ах этот Цадкин! Какой у него был потрясающий пес – бордосский дог, а я всегда очень любил собак. Все мы встречались в „Ротонде“: Сутин, Кремень, Модильяни, Паскин и многие другие. Мы переходили из мастерской в мастерскую, обменивались мнениями, идеями. Большею частью за еду и выпивку доводилось платить мне: деньги у меня имелись, по сравнению со многими художниками я был в привилегированном положении... Однажды пришел какой-то апаш в американской кепке, мне говорят, что это Пикассо. Я зашел к нему: он склеивал обрывки газет и писал ваксой. Мне это показалось странным»⁸⁰.

Работы этих именитых мастеров Лидия заворуженно рассматривала долгими зимними вечерами в Петербурге... в полузабытой прошлой жизни. И немного завидовала своей любимой Ахматовой: в 1911 году юная поэтесса позволила себе короткий пылкий роман с Модильяни – под теплым дождем в Люксембургском саду, как романтично! – и посвятила итальянцу чудное стихотворение:

*«Мне с тобою пьяным весело —
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах...
Мы хотели муки жгущей
Вместо счастья безмятежного...
Не покину я товарища
И беспутного и нежного»⁸¹.*

А теперь Лидия сама бродила по мокрым аллеям Люксембургского сада с художником Артемовым – страстным брюнетом, полным жизни и таланта, совсем как Модильяни, – пожимала сухощавую ладонь Цадкина и жарко спорила о будущем искусства с Сандро Минервиним⁸² и Сержем Пименовым⁸³, лучшими друзьями Георгия.

Paris, 14 cité Falguière. Источник: Biographie de Georges Calistratovitch Artemoff: Peintre, sculpteur, décorateur. Partie 1/2. // Esprits Nomades (<https://www.espritsnomades.net/arts-plastiques/biographie-de-georges-calistratovitch-artemoff-peintre-sculpteur-decorateur-partie-1-2/>).

⁷⁵ Paris: Cité Falguière, charme mélancolique et maigres vestiges d'une ancienne cité d'artistes – XVème (<https://www.parisladouce.com/2016/09/paris-cite-falguiere-le-charme.html>).

⁷⁶ Французский живописец и график парижской школы, выходец из Японии. Создал серию ироничных картин с котами.

⁷⁷ Хаим Соломонович Сутин (1893—1943) – белорусский и французский живописец-авангардист еврейского происхождения. Один из крупнейших мастеров парижской школы. Картины Сутина представлены в крупнейших музеях Франции, США, Израиля, Швейцарии. Несколько картин есть в коллекциях музеев России (Эрмитаж), Австрии, Дании, Японии, Великобритании.

⁷⁸ Амедео Клементе Модильяни (1884—1920) – итальянский художник и скульптор, один из самых известных художников начала XX века, представитель экспрессионизма.

⁷⁹ В то время Пикассо жил в соседнем артистическом квартале Бато-Лавуар.

⁸⁰ Интервью Георгия Артемова для газеты «Депеш дю Миди» 18 ноября 1962 года. // Мария Артемова-Теста. Лидия Никанорова и Георгий Артемов: Жизнеописание. Перевод с французского М. Ломовской. // Smartbook. Москва, 2013.

⁸¹ Анна Ахматова. Мне с тобою пьяным... (фрагмент стихотворения) (Париж, 1911).

⁸² Александр (Сандро) Львович Минервин (? —1962) – французский скульптор российского происхождения, друг Георгия

Артемова.

⁸³ Сергей Николаевич Пименов (1895—1960) – живописец, график, художник кино. Из потомственной художественной семьи; правнук скульптора С. С. Пименова, внук Н. С. Пименова, автора статуи «Игра в бабки». Учился у Е. Е. Шрейдера в Петербурге, затем – Академии Ф. Коларосси в Париже. Изучал архитектуру. С 1923 жил в Париже. Писал портреты, пейзажи, рисунки с изображением обнаженной натуры. В 1930-е подарил Русскому культурно-историческому музею в Праге ряд своих рисунков карандашом и сангиной. С середины 1920-х много работал как художник кино; оформил около 50 фильмов.

Здесь русский дух

Эти четверо – Артемов, Никанорова, Минервин и Пименов – сколотили (можно сказать, что и в буквальном смысле, потому что занимались они резьбой и росписью по дереву) артель деревянной скульптуры и с пылом взялись за исполнение чрезвычайно интересного заказа по оформлению «Кавказского погребка» на Монмартре⁸⁴

⁸⁴ Biographie de Georges Calistratovitch Artemoff.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.